

Возвращение «всадников»

Если бы не ахметвалиевские «всадники» начала 2000-х годов, то, кажется, мало кто сегодня вспомнит, что начинал Расих именно с них. «Всадники» 1990-х — с едва намеченными силуэтами, растворяющимися, как миражи, в сложнейших модуляциях фона, где белый цвет стал определяющим, формирующим тональную сложность будущей живописи художника, — воспринимались своеобразными реминисценциями изысканно-утончённой персидской миниатюры. Но, вобрав в себя многоликий, контрастный образ Востока — его нежность и воинственность, лукавство и сентиментальность, целомудренность и пламенную страсть, — «...ахметвалиевские «всадники», — по верному определению известного уфимского культуролога Александра Гарбуза, — это не только предки, но и... сами художники, ощущающие себя завоевателями новых культурных территорий. Одновременно это он и она — те двое, обобщённо-пластический образ которых явлен в одноимённой работе Р. Ахметвалиева. Этот концентрированный, тяготеющий к символу образ двоих в разных обличьях пронизывает множество полотен художника».¹ Прекрасная в своей логике цепочка рассуждений!

«Всадники» Расиха, действительно, — источник другой, главной его темы, покорившей несколько лет назад и Европу. Это тема женщины в её многообразных и великих ипостасях: женщина-Муза, жена, мать, сестра. Но если «всадники» Расиха имели отчётливо восточный колорит и характер, то его «женщины» — образы, скорее, европеизированные: и в смысле апелляций к лирическим героиням русской классической живописи, и в смысле «реставрации» духовной сущности человека Ренессанса. Хотя... и его тюркские «всадники» в какой-то степени были ориентированы на Запад — на героев средневековых рыцарских турниров. И, кажется, что именно оттуда, из Средневековья, абсолютизовавшего образ Дамы сердца и подвиг рыцаря во славу её чести, тянется ниточка к трогательным и незащищённым ахметвалиевским «женщинам».

Параллельно «женской» теме в творчестве Расиха всегда развивалась ещё одна тема, не менее важная для него, — «Художник и Муза», где «художник» и есть тот «завоеватель культурных территорий», а «Муза» — его верный вдохновитель.

«Всадники» Ахметвалиева начала 2000-х годов совсем другие: это не только символы тюркского мира, а космологические, культурологические архетипы, но с ещё более ярко выраженным романтическим подтекстом. Расих пишет «всадников», трактованных им как аллегии времён года («Всадник-Зима», «Всадник-Весна», «Всадник-Лето», «Всадник-Осень»), или «всадников», эмоциональное состояние которых выражено тем или другим цветом («Синий всадник», «Жёлтый всадник», «Фиолетовый всадник»), или «всадников», ставших органической частью его любимых французских пейзажей (хотя визуально «всадники» 2000-х — это всё те же герои средневековых рыцарских турниров, отчаянно влюблённые Дон Кихоты). Их формы намеренно укрупнены, центрованы и симметричны, фактурно и колористически они подобны фресковым росписям. (Впрочем, эффект «фресковости» — одно из основных

выразительных средств и большинства «женских» композиций этого же времени, достаточно привести в качестве примера, помимо фактурности, синтез контурной обводки силуэта и его внутренней «размытости»).

Что же касается пейзажа, то этот жанр появился в творчестве Ахметвалиева значительно позже «всадников» и «женщин». Что это? Следствие сильных впечатлений, полученных за годы жизни и работы в Нормандии? Или ещё одно выражение поэтической созерцательности его души? Тем более что его французские пейзажи такие же таинственно «недосказанные», как «всадники» и «женщины», но только это не пейзажи-фантомы, не пейзажи-миражи, а узнаваемый «Город на Ла-Манше».

Неиссякаемый творческий потенциал Расиха Ахметвалиева адекватен стабильному интересу к нему художественной критики. Расих много выставляется — и в стране, и за рубежом. О нём часто пишут, пытаясь в очередной раз разгадать тайну притяжения его образов, определить существо того сильнейшего эстетического воздействия, которое оказывают на зрителя его произведения. Думается, лучшим ответом на этот счёт звучат признания известного искусствоведа-метафизика Сергея Кускова и выдающегося балетмейстера Юрия Григоровича: «Это действительно красивая живопись... Почти забытая в наше время» (Кусков),² «...Изумляет культура изобразительного языка, свободное владение цветом, поэтичность и музыкальность картин Расиха» (Григорович).³

Светлана Игнатенко,
искусствовед,
заместитель директора Башкирского государственного
художественного музея им. М.В. Нестерова по науке,
заслуженный деятель искусств РБ

2 Кусков С. // Расих Ахметвалиев: Каталог. – Уфа, без указ. г. – С. 3.

3 См. там же. – С. 9.